интонационного комплекса”. К данным, приводимым Г.А. Климовым, можно добавить еще, что “занское передвижение” $*a > o$ блокируется не только в перечисленных им случаях, но и в редуцированных основах вида $*C_1aC_1a$: груз., лаз. *қақа* “зерно”, “ядро (плода)” — мегр. *қақа* “зерно”, “круглая застежка”; груз., лаз. *рара* “молочная каша”; груз. *пана* “колыбельная” — мегр., лаз. *пана* “мама”.

Исследование новых возможностей интерпретации “занского передвижения” представляет собой дело будущего. Ниже вниманию читателя предлагается фрагмент классической теории пракартвельского вокализма.

— Георгий Андреевич Климов работал над монографией “Очерк сравнительной грамматики картвельских языков” многие годы, постоянно дорабатывая ее и по многу раз переписывая от руки те или иные разделы (компьютер он начал использовать сравнительно недавно, в основном как пишущую машинку для оформления готового текста). Монография осталась в виде рукописного черновика, в котором часть фрагментов представлена разновременными вариантами.

Этим объясняется различное оформление отсылочного аппарата в публикуемом отрывке (в виде то подстрочного примечания, то принятых ныне отсылок в тексте, отмеченных квадратными скобками) и наличие пропусков, которые автор предполагал заполнить позднее, во многих случаях — формулировкой или языковым материалом из более раннего рукописного же варианта данного параграфа. Часть пробелов в данном фрагменте удалось заполнить именно таким путем.

Настоящий фрагмент был выбран для публикации в журнале “Вопросы языкознания” не случайно: он может представить не только специальный, но и методический интерес, поскольку, кроме историко-фонетического анализа конкретного материала, содержит попытку проследить в фонетических “законах” (и в “закономерных исключениях” из них) следы былого воздействия на фонетический уровень со стороны более “высоких” уровней языка, в частности, — влияние некоторых элементов морфологии и семантики определенных лексем. Приведенный в отрывке статистический материал — результат тщательных подсчетов по текстам, сделанных самим Георгием Андреевичем.

Фрагмент монографии подготовлен к печати Д.И. Эдельман, библиографический список работ, упомянутых в публикации, составил Я.Г. Тестелец, компьютерное оформление осуществила О.Г. Климова.

© 1998 г. Г.А. КЛИМОВ

ФРАГМЕНТ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ МОНОГРАФИИ “ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ”

(из раздела “Фонетика”)

История фонетических систем картвельских языков составляет один из наиболее разработанных разделов их сравнительной грамматики. Ей посвящен как ряд монографических исследований, так и множество статей¹. Естественно, что наиболее заметны результаты изучения динамики парадигматики фонем, хотя немало сделано и в плане исследования истории их синтагматики.

¹ Ср. А.С. Чикобава. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.): 13–42; С. Жгенти. Основные вопросы фонетики сванского языка. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.); Г. Рогава. Основные вопросы сравнительно-исторического изучения фонетики картвельских языков. // ИКЯ, IV, 1953 (на груз. яз.): 35–51; Г. Рогава. Вопросы исторической фонетики картвельских языков. I. Некоторые вопросы истории гласных в картвельских языках. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Т. Гамкрелидзе. Сибилянты: соотношение и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Г. Мачавариани. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Т. Гамкрелидзе, Г. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.); В. Топурица. Труды. III. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); С. Жгенти. Фонетика чанско-мегрельского языка. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

Фактологической базой реконструкции фонологической системы позднего общекартвельского состояния служит довольно полно выявленная схема звукосоответствий между современными картвельскими языками. Несмотря на некоторые неясности, остающиеся преимущественно в исследовании сванских рефлексов общекартвельских фонем, эта схема рисуется в настоящее время достаточно отчетливым образом как в аспекте вокализма, так и в аспекте консонантизма. Если одну группу межъязыковых фонологических соответствий следует рассматривать как спонтанные, то другую — как комбинаторные (последние связаны главным образом с сонантами и гласными).

В последующем изложении рассматриваются три категории звукосоответствий, отражающих исторические изменения в области трех классов фонем — гласных, сонантов и согласных, каждый из которых характеризуется своими специфическими особенностями.

ВОКАЛИЗМ

Основная схема вокалических звукосоответствий между картвельскими языками может быть передана следующей таблицей, фиксирующей также реконструируемые прототипы фонем.

Груз.	Занск.	Сван.
<i>a</i>	<i>o</i>	<i>a</i>
<i>e</i>	<i>a</i>	<i>e</i>
<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

Примеры

Груз. *a* ~ занск. *o* ~ сван. *a*: груз. *-a* ~ занск. *-o* ~ сван. *-a* приглагольная вопросительная энклитика; груз. *asuli* ~ занск. *osuri* ~ сван. *hasuš* 'дочь'; груз. *vaci* ~ занск. *oči* ~ сван. *γwaš* 'баран'; груз. *txar-* ~ занск. *txor-* ~ сван. *št̥xar-* 'копать, рыть'; груз. *cxra* ~ занск. *čxoro* ~ сван. *čxara* 'девять'.

Груз. *e* ~ занск. *a* ~ сван. *e*: груз. *ber-* ~ занск. *bar-* ~ сван. *bēl-* 'дуть'; груз. *mar-žven-* ~ занск. *marzgvan-* ~ сван. *mursgwen-* 'правый'; груз. *mčeri* ~ занск. *mčazi* ~ сван. *mēr* 'муха, насекомое'; груз. *mesame* ~ занск. *masuma* ~ сван. *mēsme* 'третий'; груз. *kvət-* ~ занск. *kvat-* ~ сван. *kwešd-* 'рубить, резать'.

Груз. *i* ~ занск. *i* ~ сван. *i*: груз. *i-* ~ занск. *i-* ~ сван. *i-* префикс субъектной версии; груз. *piri* ~ занск. *piži* ~ сван. *pil* 'край' <пропуск в рукописи. — Д.Э.>; груз. *ṭili* ~ занск. *ṭi* ~ сван. *ṭiš* 'вошь'; груз. *švidi* ~ занск. *škviti* ~ сван. *išgwid* 'семь'; груз. *sixli* ~ занск. *zixiri* ~ сван. *zixš* 'кровь'; груз. *size* ~ занск. *si(n)za* ~ сван. *čiže* 'зять'.

Груз. *o* ~ занск. *o* ~ сван. *o*: груз. *otxi* ~ занск. *otxo* ~ сван. *wošt̥xw* 'четыре'; груз. *oropa* ~ занск. *orop* ~ сван. *oropa* 'удод'; груз. *loḳ-* ~ занск. *lo(t)ḳ-* ~ сван. *loḳ-* 'лизать'.

Груз. *u* ~ занск. *u* ~ сван. *u*: груз. *asuli* ~ занск. *osuri* ~ сван. *hasuš* 'дочь'; груз. *puri* ~ занск. *piži* ~ сван. *pür* 'корова'; груз. *uḡeli* ~ занск. *uḡu* ~ сван. *uḡwa* 'ярмо'; груз. *guli* ~ занск. *guri* ~ сван. *gu-* 'сердце'.

Таким образом, в сфере вокализма принципиальные расхождения в плане рефлексии протофоном минимальны (если оставить в стороне дискутируемый вопрос о долгих гласных) и затрагивают по существу лишь две гласных — **a* и **e*. Их характерные рефлексии в виде *o* и *a* и составляют сущность так называемого занского передвижения гласных. Вместе с тем, наличный материал картвельских языков не дает каких-либо оснований для принятия декларировавшегося в свое время Н.Я. Марром звукосоответствия груз. *i* ~ зан. *e*.

Представленную здесь довольно простую картину звукосоответствий в области гласных несколько затемняют, с одной стороны, различные позиционные изменения фонем, столь характерные для агглютинативных языков вообще, а с другой — аблаутные альтернации гласных, восходящие к общекартвельскому состоянию.

Из комбинаторно обусловленных рефлексов общекартвельских вокалических фонем наиболее заметное место принадлежит соотношению идентичности грузинских и занских гласных *a* и *e*, наблюдающемуся в исходе имен существительных.

ЗАНСКОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ГЛАСНЫХ

На широком лексическом и аффиксальном материале в картвелистике установлены формулы фонетического соотношения груз. (и сван.) *a* ~ зан. *o*, с одной стороны, и груз. (и сван.) *e* ~ зан. *a*, с другой: ср. а) груз. *katam-* ~ зан. *kotom-* 'курица', груз. *asul-* 'дочь' ~ зан. *osur-* 'женщина', груз. *sxra-* ~ зан. *čxoro-* 'девять', груз. *txar-* ~ зан. *txor-* 'копать' и др.; б) груз. *ert-* ~ зан. *art-* 'один', груз. *čvel-* 'доить' ~ зан. *čval-*, груз. *cer-* ~ зан. *čar-* 'писать', груз. *tkver-* ~ зан. *tkvar-* 'разгрызть (орех)' и др.

Обе эти закономерности были выявлены еще на раннем этапе изучения картвельских языков и к настоящему времени им посвящена большая литература (ср. [Brosset 1849: 72–77; Цагарели 1880: 84—пропуск в рукописи. — Д.Э.]; Мapp 1912: 1094–1096; Чикобава 1938: 17–18; Жгенти 1949: <пропуск в рукописи. — Д.Э.>] и др.). В специальной литературе принято считать, что в обоих случаях исходный вокализм сохраняется в грузинском (в противоположность занским языкам, в которых происходит сдвиг артикуляции назад) и предложены опыты соответствующего обоснования (ср. [Vogt 1938: 333; Климов 1960: 28]). В течение длительного времени эти соотношения рассматривались в качестве спонтанных звукосоответствий, хотя и было достаточно очевидно, что они не относятся к категории систематических сдвигов фонем, сохраняющих фонологическое равновесие системы в целом, и налицо значительное число исключений.

Так, в грузинско-занском материале основное отклонение сводится к соотношению идентичности груз. *a* ~ занск. *a*, отмечаемому в частности в работе [Чикобава 1938: 4]. Ср.

груз. *baga-* ~ занск. *boga* 'ясли, пол хлева'

груз. *burɟa-* ~ занск. *burɟa* 'оперение, пух'

груз. *gza-* ~ занск. *gza-* 'дорога, путь'

груз. *da-* ~ занск. *da-* 'сестра'

груз. *deda-* ~ занск. *dida-* 'мать'

груз. *diɟa-* ~ лазск. *diɟa-* 'пшеница'

груз. *ena-* ~ занск. *nina-* 'язык'

груз. *zɟva-* ~ мегр. *zɟva-* 'море'

груз. *tma-* ~ занск. *toma-*, *tuma-* 'волосы'

груз. *txa-* ~ занск. *txa-* 'коза'

груз. *tama-* ~ занск. *tuma-* 'отец'

груз. *ɟba-* ~ мегр. *ɟoba-* 'озеро'

груз. *ɟuta-* ~ занск. *ɟuta-* 'зола'

груз. *pɟa-* ~ занск. *(m)ɟa-* 'кость рыбы'

груз. *kva-* ~ лазск. *kva-* 'камень'

груз. *qana-* ~ занск. *qona-* 'нива'

груз. *šeša-* ~ занск. *diška-* 'дрова'

груз. *zma-* ~ мегр. *žiɟma-* 'брат'

груз. *ca-* ~ занск. *ca-* 'небо'

груз. *xma-* ~ мегр. *xuma-* 'голос'

груз. *a* ~ мегр. *a*- аффикс масдара

груз. *-da* ~ мегр. *-da* приглагольная энклитика условного значения

груз. *-da* ~ мегр. *-da* алломорфа показателя направительного падежа

Из приводимого материала следует, что соотношение идентичности гласного *a* связано лишь с абсолютным исходом слова: оно налицо в абсолютном ауслaute именной основы или именного аффикса, а также в абсолютном конце приглагольной энклитики условного значения (ср. мегр. *mutuni kimšažən-da dus...* 'если у него ничего нет в голове', *egeb robus elazun-da...* 'если он, возможно, лежит в овраге...'). Выполненное частотное исследование обнаруживает достаточно строгую выдержанность этого соотношения. Например, выявляется преимущественно субстантивное, а не атрибутивное, употребление лексемы *ḡva* 'другой' в мегрельском (в лазском она почти вытеснена): в одном из обследованных в этом отношении текстов (см. [Кипшидзе 1914: 1–188]) соотношение случаев ее субстантивного и атрибутивного употребления составило 56 : 23, во втором (см. [Беридзе 1920: 51–202]) — 44 : 15, в третьем (см. [Хубуа 1937: 1–361]) — 61 : 43.

Вместе с тем преимущественно субстантивное, подобно грузинскому и сванскому языкам, употребление лексемы *ṭoba* 'озеро, глубокий' в лазском позволяет считать вторичным факт преобладающего атрибутивного использования этого слова в мегрельском, где оно соответственно имеет вид *ṭobo*-.

Напротив, соотношение груз. *a* ~ занск. *o* наблюдается в анлауте и инлауте любых (именных, глагольных и др.) лексем и только в определенных случаях абсолютного ауслauta слова. Последние случаи представлены словами атрибутивного характера. Ср., например, груз. *rva* ~ мегр. *ruo*, лаз. *orvo* 'восемь', груз. *cxra* ~ занск. *ḡxoro* 'девять', сочинительный союз груз. *da* ~ занск. *do* 'и', а также глагольные суффиксы груз. *-a* ~ занск. *o* (приглагольная вопросительная энклитика 'ли?'), груз. *-a* ~ занск. *o > u* (аффикс субъекта 3-го лица ед. числа во временах прошедшей серии).

Обращает на себя внимание характерный параллелизм между дистрибуцией рефлексов **a* в обоих занских языках, с одной стороны, и их преобладающим по частотности случаев местом в ритмико-интонационных комплексах. Во всех лексемах и аффиксах, употребляемых обычно проклитически, и, следовательно, с ровной и повышенной интонацией, здесь имеет место переход **a > o*: сюда относятся все анлаутные и инлаутные **a*, а также отдельно взятые ауслautные **a*, однако обычно оказывающиеся в ритмико-интонационном комплексе инлаутными. Достаточно очевидно, что **a* абсолютного ауслauta атрибутивных слов, предшествуя определяемому интонационно, обычно выступают в инлаутной позиции. Ср., например, мегр. *ruo-da* 'восемь сестер', *ḡxoro-ḡzima* 'девять братьев'. По существу в аналогичной позиции неизменно выступает и **a* в мегрельско-лазском сочинительном союзе *do* 'и': ср., например, мегр. *da-do-ḡzima* 'сестра и брат', *eḡ-do-sumi* 'двадцать три' и т.п. Насколько тесным является интонационное единство подобных словосочетаний в занских языках, свидетельствует свойственная им групповая флексия: ср. мегр. *da-do-ḡzimaḡi* 'сестры и брата' (родит. пад.), *sumi-dḡa-do-sumi sers* 'три дня и три ночи' (дат. пад.), а также их преобразование в такие композиты, какими являются здесь числительные второго десятка: ср. мегр. *vitḡrti* < *vit-do-arti* 'одиннадцать', *vitoḡziri* < *vit-do-ḡziri* 'двенадцать' и т.д. То же самое следует очевидно сказать об **a* в составе мегрельско-лазского аффикса 3-го лица субъекта в прошедших временах *-o* // *-u*, чаще оказывающегося внутри единого ритмико-интонационного комплекса. Наконец, приглагольная вопросительная энклитика *-o?* 'ли?' в занских языках хотя и находится как правило в исходе такого комплекса, сама по себе несет качество интонированной частицы: ср. мегр. *ma demṭalenk-o?* 'ты меня оставляешь?', *margaluri va ḡiḡkun-o?* 'мегрельского языка не знаешь?', *kobali va ḡḡpan-o?* 'хлеба не имеют?' и т.п.

Если объединить все случаи сдвига **a > o* в занских языках как проявление интонационно сильной позиции, то, напротив, все случаи идентичности *a* в грузинском,

мегрельском и лазском оказываются ограниченными его слабой позицией в исходе ритмико-интонационного единства: естественно, что в ней выступает ауслатное *a* субстантивов и именных аффиксов с интонационной точки зрения чаще других основ и аффиксов употребляющихся в синтагме энклитически, а также ауслатное **a* энклитического союза *-da* условного значения, употребляющегося обычно перед интонационной паузой.

Таким образом, естественно придти к выводу, что двоякое отражение **a* в занских языках в зависимости от его позиции в ритмико-интонационном комплексе в конечном счете может быть сведено к его преобладающей по частотности позиции в составе лексем в синтагме или предложении в целом. Подобное, по крайней мере, условное соотношение, наблюдающееся в предложении между ритмико-интонационными комплексами и отдельными синтагмами, хорошо известно во многих языках мира и широко отражено в специальной литературе. Обусловленность же в конечном счете обычной интонационной позиции лексемы ее преобладающим местом в синтагме позволяет отнести рассматриваемую здесь закономерность к явлениям так называемой синтаксической фонологии (*phonétique syntactique*, *Satzphonetik*...) или сандхи.

Реконструируемое здесь правило отражения древнего **a* не знает, по-видимому, исключений и поэтому отличается высокой степенью общности. Оно делает еще менее убедительным старое мнение Н.Я. Марра, склонявшегося к признанию многих лексем, обнаруживающих в грузинском, мегрельском и лазском идентичный гласный исход, за заимствования (ср. [Чарая 1912: 34]), не говоря уже о том, что в целом ряде случаев в таких лексемах можно видеть как закономерные фонетические соотношения в консонантном составе, так и наличие характерного соотношения грузинского неполногласия и занского полногласия. Вместе с тем следует сказать, что имеющийся материал не поддерживает и предположение В. Полака, считавшего, что случаи идентичности в огласовке грузинских и занских лексем возникают на почве допуславшейся им различной нейтрализации исконных количественных противопоставлений гласных по схеме $*\bar{a} > a$ и $*a > a$ в грузинском и $*\bar{a} > o$ и $*a > a$ в занских языках (ср. [Polák 1955: 80–81]). Тем более не приходится искать объяснения различия отражения исконного **a* в грузинско-занской ветви в артикуляционных привычках субстрата неопределенного характера, иногда предполагавшегося для занского ареала.

Если методика дистрибутивного анализа занского материала обнаруживает позиционную основу различного отражения **a* в занских языках, фонетический сдвиг $*a > o$ приходится здесь признать не так называемым спонтанным, а комбинаторно обусловленным явлением. Приходится принять, следовательно, что в отражении общекартвельского **a* в картвельских языках наблюдается и соотношение идентичности *a*, которое находит свое место в системе закономерных звукосоответствий между этими языками.

Рассмотренная закономерность рефлексов **a* в занских языках способствует, на наш взгляд, освещению некоторых других дискуссионных вопросов истории картвельских языков. Так, в частности, наличие соотношения груз. *a* ~ занск. *o* в морфеме целевого падежа груз. *-is-ad* // занск. *-iš-o(t)* можно объяснить тем, что **a* в ее составе находилось не в ауслатной позиции, а перед консонантом *d*, т.е. здесь имеем $*-ad > -o(t)$. То же самое относится и к соотношению вопросительного местоимения груз. *sad* ~ занск. *so(d)* 'где, куда', восходящего к этимологическому **sad*. Отсутствие соотношения груз. *a* ~ занск. *o* в инлаутной позиции груз. *znadi* 'дядя' и *dadi* 'тетя' при мегр. *žimadi* и *dadi* подтверждает старое предположение, согласно которому обе основы по своему происхождению являются композитами, состоящими из $*z_1ma-$ 'брат' resp. $*da-$ 'сестра', с одной стороны, и *did-* 'большой, старший', с другой [см. Чарая 1912: 19]. Рассмотренная закономерность дает возможность объяснить и некоторые другие факты истории картвельских языков, в частности, характер ударения на грузинско-занском хронологическом уровне; к сходным выводам приходит, например, работа [Жгенти 1962:

159–163], а также особенности истории имени прилагательного в картвельских языках (см. ниже в главе “Морфология”).

В принципе к выводу аналогичного порядка приводит и рассмотрение на грузинско-занском материале рефлексов общекартвельского **e*. Достаточно очевидно, что именно в анлаутной и инлаутной позиции слова имеет место сдвиг **e* > *a*: ср.... <В основной рукописи монографии оставлено место для примеров. Нижеследующий столбец примеров взят из другого варианта рукописи. — Д.Э.>:

- груз. *ber-* ‘дуть’ ~ мегр., лаз. *bar-* то же
- груз. *bertq-* ‘выколачивать’ ~ мегр. *bartq-* то же
- груз. *ten-* ‘светить’ ~ мегр., лаз. *tan-* то же
- груз. *meseri* < > ~ мегр. *masari* то же
- груз. *meçveli* ‘дойная’ ~ мегр. *maçvali* то же
- груз. *mçeri* ‘муха’ ~ лаз. *mçaži* то же
- груз. *nergi* ‘саженец’ ~ мегр. *nargi* то же
- груз. *peri* ‘пена’ ~ мегр. *panži* ‘яд’
- груз. *saxli* ‘дом’ ~ мегр., лаз. *oxori* то же
- груз. *sxlet-* ‘скользить’ ~ мегр. *cxilať-* то же
- груз. *řex-* ‘ломать’ ~ мегр., лаз. *řax-* то же
- груз. *peřvi* ‘просо’ ~ мегр., лаз. *paři* то же
- груз. *řeb-* ‘красить’ ~ мегр., лаз. *řap-* то же
- груз. *řver-* ‘скопить’ ~ мегр. *řar-* то же
- груз. *řreť-* ‘гасить’ ~ мегр. *řkirať-* ‘гаснуть’
- груз. *řenz-* ‘трепать (лен)’ ~ мегр., лаз. *řanz-* то же
- груз. *řker-* ‘расщеплять’ ~ мегр. *řkar-* то же
- груз. *řebo-* ‘клей’ ~ мегр., лаз. *řabu* то же.

Вместе с тем в ауслатном положении и здесь нередко имеет место соотношение идентичности груз. *e* ~ занск. *e*: ср.:

- груз. *bude* ~ мегр. *bude* ‘гнездо’
- груз. *dire* ~ мегр. *dere* ‘бревно’
- груз. *ixle* ~ мегр. *txole* ‘осадок вина’
- груз. *řlde* ~ мегр. *řirde* ‘скала’
- груз. *mzaře* ~ мегр. *zure* ‘прогорклый (орех)’
- груз. *(m)řce* ~ мегр. *ře* ‘седина, белый’
- груз. *řobe* ~ лаз. *řobe* ‘плетень’
- груз. *řle* ~ лаз. *řole* ‘penis’
- груз. *řumpe* ~ мегр. *řumpe* ‘болото’

Как можно видеть, это соотношение также наблюдается в субстантивах, а в тех случаях, где оно затрагивает и атрибутивы, имеется возможность показать вторичность атрибутивной функции слова (так, например, в случае груз. *(m)řce* ‘седина’ ~ мегр. *ře* ‘белый’ их сванское соответствие *meři* имеет аналогично грузинскому семантику субстантива ‘старик’). По сравнению с соотношением груз. *a* ~ занск. *a* оно, однако, обладает явно меньшей степенью общности, так как налицо несколько случаев его нарушения: ср. груз. *dře* ~ занск. *dřa* ‘день’, груз. *mze* ~ мегр. *břa* ‘солнце’ и др. Сопоставление таких примеров с соответствующим сванским материалом — ср. сван. *la-dey* ‘день’, *miř* ‘солнце’ при форме генитива последнего *māže(ř)* — свидетельствует об исконности в них вокализма *e*, подвергнувшегося преобразованию в занском материале. Естественно предположить, что в подобных случаях в занских языках произошло обобщение на форму единственного числа лексемы формы множественного (ср. мегр. *dřaleri*, *břaleri*), в которой процесс *e* > *a* реализован закономерно в условиях срединной позиции слова.

Известно, однако, еще одно исключение из соотношения груз. *e* ~ занск. *a*, которое наблюдается не в ауслатной, а в инлаутной позиции слова. Как показывает материал, оно ограничено комплексом *ve* в предпоследнем слоге: ср. груз. *gverdi* 'бок, сторона' ~ занск. *gverdi* 'половина', груз. *gveli* ~ занск. (*m*)*gveri* 'змея' и т.п. В этом положении ожидаемый сдвиг **e* > *a* не происходит, по всей вероятности, в силу умлаутизирующего воздействия последнего слога лексемы. О том, что решающим фактором идентичности *e* в этом случае оказывается позиция предпоследнего слога, говорит, по-видимому, то обстоятельство, что в других слогах сдвиг *e* > *a* происходит в соответствии с общим правилом: ср. мегр. *varčxili* 'серебро' при груз. *vercxli*.

В сванском языке обращают на себя внимание процессы умлаутизации гласных, а также образования долгот, обусловленные комбинаторно (наряду с последними здесь налицо и долгие гласные, восходящие к праязыковому состоянию). Налицо здесь и такие поздние процессы, как деумлаутизация и утрата долготы (в части диалектов).

Различаются два типа умлаута — палатальный и непалатальный. Превый из них, безусловно, древний, сводится к умлаутизации гласных *a*, *o*, *u* под воздействием *i* и *e*. Ср. <пропуск в рукописи. — Д.Э.>

Непалатальный умлаут выражается в том, что гласные *e* и *i* основы под воздействием последующих *a* или *o* (> *w*) приобретают вид *ä*: ср. сван. *gäm* 'вкус' < груз. *gemo* (через ступень *gemw*) или сван. *mordäb* 'учтивость' < груз. *morideba*.

С точки зрения сравнительной грамматики более интересен палатальный умлаут, особенно вызываемый гласным *i*, поскольку напоминающие о нем явления встречаются иногда и в других картвельских языках (ср., например, груз. *γvlerč-i* 'крученный прут' при глагольной основе *γvlarč-n-* 'скручивать' и при мегр. *γuloçkua* той же семантики, где вокализм *o* отражает древнее *a*, представленное в грузинской основе).

<Из предыдущего варианта. — Д.Э.>

Таким образом, большинство исконных фонем сохранилось в картвельских языках в неизменном виде. Что же касается так наз. неидентичных звукосоответствий, то они носят определенный систематический характер.

Занские *a* и *o* по сравнению с соответствующими им грузинскими и сванскими *e* и *a* артикуляционно являются более задними. По-видимому, нетрудно показать, что занские рефлексы вторичны, хотя в прошлом делался и обратный вывод (ср. [Цагарели 1880: 92]). За это говорит, во-первых идентичность грузинских и сванских рефлексов. Во-вторых, в пределах самой занской ветви языков позиционно в ауслате субстантивов, должно быть, сохраняется исконная и общая с грузинским и сванским огласовка. Далее, приглагольная вопросительная энклитика, восходящая, по-видимому, к междометию *a*? (ср. типологически вопросительную энклитику *-a* в абхазско-адыгских языках, *-a* в семитских и т.п.), в занских языках передается как *o*: ср. *rek-o*? 'ты еси?' при груз. *xar-a*? и сван. *xi-a*?

Наконец, об этом свидетельствует и судьба ряда древнейших иноязычных заимствований. Ср. мегр. *žvabu* 'лягушка' < и.-е. **g^heb(h)u-* то же, мегр., лаз. *γary-* 'молоть грубо, крупно' < и.-е. **ghergh-* 'делать(ся) грубым', мегр. *bond-* 'связывать, сплетать' < и.-е. (диал.) **band-* то же.

Вместе с тем материал не подтверждает мнения В.Полака, полагавшего, что занское передвижение гласных возникло вследствие различия в способе нейтрализации исконных количественных противопоставлений гласных в грузинском и занских языках [Polák 1955: 79–80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беридзе Ш. 1920 — Мегрельский (иверский) язык. Исследования и материалы. Тбилиси. 1920. (на груз. яз.).
Жгенти С. 1962 — Вопросы сравнительной фонетики картвельских языков. I. Тбилиси. 1962. (на груз. яз.).

- Жгенти С. 1949 — Основные вопросы фонетики сванского языка. Тбилиси. 1949. (на груз. яз.).
- Кипшидзе И. 1914 — Грамматика мингрельского языка с хрестоматиею и словарем. СПб. 1914.
- Климов Г.А. 1960 — Опыт реконструкции фонемного состава общекартвельского языка-основы // ИАН СЛЯ. 1960. № 1.
- Март Н.Я. 1912 — Тубал-каинский вклад в сванском // Известия Академии наук. 1912.
- Хубуа М. 1937 — Мегрельские тексты. Тбилиси. 1937. (на груз. яз.).
- Цагарели А. 1880 — Мингрельские этюды. 2. Опыт фонетики мингрельского языка. СПб. 1880.
- Чарая П. 1912 — Об отношении абхазского языка к яфетическим // Материалы по яфетическому языкознанию. 4. СПб. 1912.
- Чикобава А. 1938 — Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси. 1938. (на груз. яз.).
- Brosset M. 1849 — Rapports sur une voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. 7. St.-Petersbourg. 1849.
- Polák V. 1955 — Contributions à la grammaire historique des langues Kartvéliennes // Archiv Orientální 23, 1–2. 1955.
- Vogt H. 1938 — Arménien et caucasique du Sud // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap 9: 321–338. 1938.